гии Просвещения? Скорее всего, парадокс заключается в том, что дворянство, в силу своего положения и образованности (по сравнению с остальными слоями населения, исключая духовенство) одним из первых знакомилось с достижениями литературы и посредством литературы распространяло новые идеи и настроения. Но для дворянства эти знания (как результат познания действительности и ее отражение в мышлении человека) не могли стать новыми идеологическими убеждениями, революционным руководством к действию. Это вовсе не означает, что изменения в сознании людей, произошедшие с началом Нового времени не коснулись высших слоев населения. Конечно, буржуазия была более рационалистична, практична, свободна от религиозных догм, но идеи свободы, равенства и братства сначала обсуждались в салонах высшей аристократии и только потом становились достоянием народных масс. Не только буржуазия сыграла значительную роль в формировании сознания Нового времени. Высшие слои дворянства успешно усвоили новые общественно-политические ценности эпохи в качестве элементов системы мышления и не менее успешно (но скорее неосознанно) распространяли эти ценности во многом благодаря своему стилю жизни и стилю мышления.

Литература

1. Ардашев П.Н. Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией. Киев, 1905.
2. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. С-П., 1896.
3. Ковалевский М. Происхождение современной демократии. Т. I. С-П., 1912.
4. Сталь Жермена де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989.
5. Токвиль А. Старый порядок и революция. Петроград. 1918.

УДК 323.17

Добаев И.П., д. филос. н., проф.,
Добаев А.И., к. э. н., Умаров Д.В., асп.

Трансформация финансирования террористических структур на Северном Кавказе

В статье рассмотрены основные направления и источники финансирования террористических структур в мире и на Северном Кавказе, представлена объемная картина трансформации финансирования сетевых террористических группировок на Северном Кавказе.

Ключевые слова: джихад, закят, «Имарат Кавказ», исламизм, радикальный исламизм, Северный Кавказ, терроризм, финансирование терроризма, хавала, экстремизм.

Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формирова-

нием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, а также его финансовой подпитки. При этом следует подчеркнуть, что за последние два десятилетия финансирование террористических группировок существенно трансформировалось [1].

Как представляется, это изменение было предопределено, прежде всего, двумя факторами:

- глобализацией экономики, которая предоставила небывалые возможности террористическим организациям в финансовом плане;
- переходом террористических групп к сетевой структуре организации.

Следует отметить, что фактор глобализации экономики, его роль в трансформации экономической природы терроризма, уже длительное время является объектом экономических и политических обсуждений различного уровня [2]. В частности, в справочном документе к п. 4 повестки дня неапольской Всемирной конференции по организованной транснациональной организованной преступности и терроризму приведены следующие факторы развития мировой экономики и политики, обусловившие возникновение транснациональной преступности и современного терроризма:

- увеличение взаимозависимости государств;
- формирование мирового рынка, для которого характерны тесные экономические связи, взаимные инвестиции;
- формирование международных финансовых сетей, систем международных расчетов, позволяющих быстро осуществлять сложные финансовые операции, с использованием банковских учреждений нескольких государств;
- развитие мировых систем коммуникаций;
- развитие международной торговли, чему особо способствовало введение системы свободной торговли в послевоенный период;
- широкое развитие технологий контейнерных перевозок;
- увеличение масштабов миграции, образование многонациональных мегаполисов.

Что касается сетевого (ячеистого) принципа организации террористических группировок, то он оказался чрезмерно эффективным в асимметричном противостоянии самым разнообразным оппонентам.

Оба вышеупомянутых фактора (глобализация экономики и сетевой принцип организации различных структур) существенно трансформировали природу терроризма. В результате, как справедливо подчеркивает отечественный исследователь вопросов финансирования терроризма Е. Степанова, в современных условиях едва ли уместно традиционное «техническое», по сути, подразделение терроризма на внутренний и международный [3, с. 203].

Финансирование терроризма представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно проводить террористические акции без наличия денежных средств. Сформированная финансовая система

выступает важнейшим системным элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации террористической деятельности. В настоящее время финансирование современного международного терроризма, его отдельных региональных кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы финансирования, структура его источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике. Однако в каждый момент времени структура финансирования подполья может существенно различаться по отдельным его территориям и сетевым структурам. При этом, по мере перехода от полуцентрализованных структур, доминировавших в начале XXI в. к полицентрической (сетевой) организации подполья, источники его финансирования должны были дифференцироваться, дробиться, как и число возможных адресатов данного финансирования. Это обстоятельство также существенно затрудняет выявление и пресечение каналов финансирования подполья [4, с. 33-34].

Мировой практический опыт свидетельствует о том, что финансовые вливания требуются террористическим группировкам преимущественно:

1. В инфраструктурных целях (процесс приготовления к теракту);
2. В непосредственных целях (проведение террористической акции).

Следует отметить, что, по экспертным оценкам ведущих мировых террологов, соотношение между инфраструктурными целями и непосредственными составляет 9 к 1.

Исследователями отмечается зависимость между масштабом теракта, затратами на его проведение и его последствиями. Однако следует согласиться с российским террологом Ю.В. Латовым, который отмечает, что терроризм отличается одновременно и очень высокой и очень низкой эффективностью.

Что касается т.н. современного терроризма, то для него характерны сравнительно невысокие издержки на проведение террористических атак, но при этом террористические акты могут приводить к значительному разрушительному эффекту (см. табл. 1).

Схема 1

Направления использования денежных средств террористическими группировками [5, с. 40]

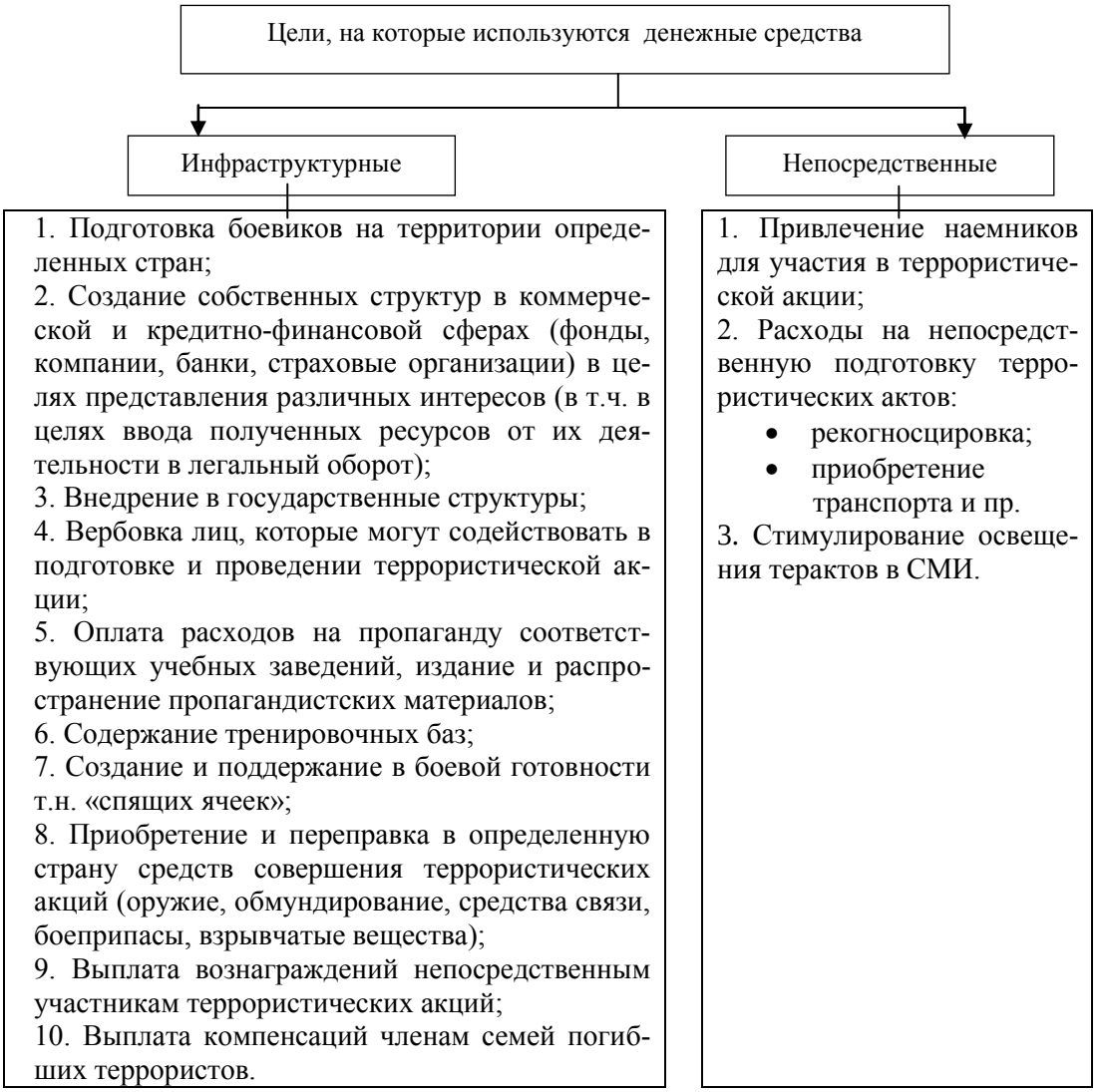

Таблица 1

Экспертная оценка затрат террористических организаций на проведение терактов [1]

Теракт	Год	Затраты
Теракт у посольства США в Танзании	1998	более 30 000 $ 50 000 $
Взрыв американского корабля (USS Cole bombing)	2000	5000 – 10 000 $ 10 000 $ 50 000 $
Взрыв Всемирного торгового центра (9 сентября 2001 г.)	2001	более 500 000 $ 300 000 – 500 000 $ 303 672 – 500 000 $
Взрывы на острове Бали	2002	50 000 $ 74 000 $
Взрыв мечети в Тунисе (г. Джерба)	2002	20 000 $
Взрыв нефтяного танкера (Limburg)	2002	127 000 $
Взрыв в отеле Мариот Джакарта	2003	30 000 $
Взрыв грузовика в Стамбуле	2003	40 000 $
Взрыв поезда в Мадриде	2004	10 000 $

На сегодняшний день можно разделить источники финансирования террористических организаций на две основные группы: внешние и внутренние (см. схему 2). К внешним источникам можно отнести поддержку от государств; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организации; индивидов, населения и диаспор; а также террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования следует отнести доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы, к которым можно отнести членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет.

Одновременно следует констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сетевой структуре организации трансформировали роль финансовых источников террористических группировок, снизив долю внешних поступлений и одновременно увеличив и диверсифицировав – внутренних. Таким образом, террористические группировки во временном измерении становятся в финансовом плане все более самодостаточными.

Схема 2

Источники финансирования международного терроризма

По мнению террологов, происхождение террористической организации определяет их финансовую подпитку. В этой связи отечественный ученый Ю.В. Латов в своем исследовании предлагает такую классификацию [6, с. 27]:

1. Террористические организации, возникшие на религиозном и идеологическом фундаменте (преступная деятельность для таких группировок не является основой).

2. Террористические организации, возникшие на криминальной основе, а позже ставшие использовать религиозное обоснование как прикрытие. «Такие террористические организации во многом подобны мафии: нелегальны, обладают силовыми ресурсами, построены на личном доверии. Поэтому они успешно внедряются именно в те криминальные промыслы, которые ти-

пичны для организованной преступности. Например, террористы Латинской Америки тесно связаны с кокаиновым трафиком, террористы Азии – с героиновым, повстанческие группировки Западной Африки – с контрабандой алмазов. В результате внедрения в мафиозные криминальные промыслы терроризм коммерциализируется, приобретает черты "обычной" мафии. Постепенно борьба "за идею" частично или полностью вытесняется борьбой за "длинный доллар". С подобным мафиозным терроризмом бороться труднее, чем с мафией или с обычным терроризмом: он более воинственен и кровожаден, чем традиционная мафия, и более богат, чем терроризм традиционного типа. Если с "идейными" террористами можно искать и находить компромиссы, то с мафиозными террористами они принципиально невозможны. Мафиозизацией сейчас затронуты в той или иной степени практически все разновидности терроризма» [6, с. 27].

Тем не менее, общей отличительной чертой обеих разновидностей терроризма является то, что криминальный бизнес для них не является самоцелью. Наибольшее сходство с преступностью разных уровней состоит в используемых методах формирования финансовых ресурсов и их легализации, а различие - в характере их использования. В последнее время все явнее просматривается закономерность - трансграничный терроризм «подминает» те виды преступного бизнеса, которые также связаны с международной деятельностью.

Природа происхождения террористической группировки, в совокупности с источниками ее финансирования позволяет построить модель финансирования террористической организации. Как показывает практика, в настоящее время можно выделить несколько моделей (см. табл. 2).

Таким образом, проанализировав обширный материал об источниках, формах и методах финансирования современных террористических организаций в современном мире, можно выделить ряд значимых тенденций [1, с. 104]:

1. Активное использование сетевого принципа в финансовом аспекте, а также преимуществ от процесса финансовой глобализации экономики;

2. Наличие у большинства террористических организаций мощной, высокодоходной, устойчивой, разветвленной финансовой базы;

Таблица 2

Модели финансирования терроризма [6, с. 40]

Характеристики	*Модель №1*: административно-институционализированная «серая зона»	*Модель №2:* партизанская «серая зона»	*Модель №3*: подпольная организация с сильными внешними связями	*Модель №4* подпольная организация со слабыми внешними связями
Примеры	Чеченская республика 1992-1999 гг., автономная зона в Колумбии 1998-2002 гг., Афганистан 1996-2001 гг.	РВСК и НАО в Колумбии с 1980-х гг., Курдская рабочая партия в Турции с 1980-х гг.	"Аль-Каида" с 1990-х гг., чеченские террористы после 1999 г.	ИРА в Северной Ирландии 1990-2000-х гг.
Основные источники доходов	Хищение ресурсов (Чечня), контрабанда наркотиков (Колумбия, Афганистан)	Контрабанда наркотиков и иных товаров, "налоги" с населения.	Спонсорство диаспоры и религиозных организаций.	Местная теневая экономика (контрабанда, торговое пиратство, рэкет, грабежи).
Примерный объем ежегодных доходов, млн. долл.	До нескольких миллиардов	600 млн. (Колумбия), не менее 300 млн. (Курдская рабочая партия)	От 20-50 млн. ("Аль-Каида"), 90-270 млн. (Чечня)	До 10 млн.
Численность террористов	Около 40 тыс. (вооруженные формирования Чечни в 1994 г.)	10-15 тыс. (Курдская рабочая партия), 20-25 тыс. (наркопартизаны Колумбии)	1-5 тыс. (Чечня 2000-х гг.)	До 500

3. Сокращение доли внешнего финансирования террористических группировок;

4. Увеличение и диверсификация доли внутренних источников финансирования;

5. «Загрязнение» «чистых» денег по причине многоэтапного сращивания доходов, полученных от ведения легального и нелегального бизнеса и внешнего финансирования.

Что касается северокавказских террористов, то их экономическая база, как и в других регионах мира, состоит из двух составляющих: содействия из-за рубежа и использования внутренних источников.

Соотношение этих составляющих постоянно изменялось во временном срезе. Так, в ходе первой чеченской кампании 1994-1996 гг. превалировали внешние финансовые потоки подпитки экстремистов, которые осуществлялись, как правило, через соответствующие неправительственные структуры (фонды, неправительственные религиозно-политические организации - НРПО и т.д.). В настоящее время этот канал финансирования из основного перешел на второстепенный, вспомогательный уровень.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объяснялась ещё и тем, что они в 90-х гг. XX в. – первой половине нового десятилетия в весомой степени финансировались спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры, вследствие чего они нередко были лишены политической самостоятельности. Специалисты подчеркивают, что и сегодня отдельную статью доходов северокавказского подполья составляет финансовая подпитка от международных террористических центров, исламских организаций радикального толка, расположенных как в пределах мусульманского мира, так и в странах Запада [4, с. 34]. Правда, как уже отмечалось, уровень финансовой зависимости северокавказских экстремистов от внешних спонсоров в первое десятилетие 2000-х неуклонно снижался, что объясняется уже приведенными выше аргументами (прежде всего, переходом отрядов международного терроризма на сетевую, децентрализованную систему структурного строения), так и значимым отвлечением в последнее десятилетие средств международных террористов на финансирование исламистских боевиков во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

Что касается каналов внешнего финансирования северокавказского террористического подполья, то чаще всего в этих целях используются курьеры. Однако общеизвестно, что в своих финансовых операциях террористы из числа радикальных исламистов во многих «горячих точках» мира активно используют возможности разветвленной сети международного трансферта капиталов типа «Хавала», позволяющей осуществлять денежные переводы без физического перемещения наличности. Эта система, основанная на доверии, широко распространена в странах Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Она весьма привлекательна для террористов в силу своей надежности, поскольку не оставляет документальных и электронных следов (отсутствие обычных в финансово-кредитных операциях бухгалтерских проводок). Однако эта система вполне легальна с законодательной точки зрения в тех странах, где она наиболее задействована. В самом общем виде данная система действует так: отправитель денег передает некоторую сумму дилеру, имеющему небольшую контору в какой-либо стране; он связывается со своим партнером в другой стране и тот выдает сумму адресату. Поток денег по та-

ким каналам настолько велик, что позволяет дилерам не беспокоиться о долгах, а доверие между ними построено на семейных, клановых и этнических связях, что опять же дает возможность отсрочить выплаты по долгам.

В связи с изложенным, «хавала» весьма устойчива по отношению к субъектам, осуществляющим борьбу с финансированием терроризма. Например, несмотря на все усилия США и стран Евросоюза по установлению контроля над «хавалой», они пока не принесли желаемого результата.

Данных об использовании возможностей «хавалы» для финансирования террористов на территории России пока не поступало, но это не означает ее отсутствие. Специалисты считают, что эта система вполне может быть задействована в регионах РФ, поскольку, например, в республиках Северного Кавказа созданы многочисленные меняльные и торговые точки, а также коммерческие структуры, принадлежащие или контролируемые гражданами государств Ближнего и Среднего Востока, возможно связанными с зарубежными НРПО, а также их пособниками из числа местных жителей.

Среди внутренних источников подпитки радикалов в 90-е гг. XX в. можно назвать незаконный нефтяной и газовый промысел, чисто криминальные доходы (рэкет, похищения людей, контрабанда оружия и наркотиков, финансовые махинации в виде подделок авизо, фальшивомонетничество и т.д.), что особенно было характерно для реалий Чечни.

В тот же период времени вокруг исламистских организаций сформировался своеобразный «буферный слой», образованный легальными субъектами хозяйственной и общественно-политической деятельности, с помощью которых сепаратисты задействовали финансово-экономические, информационные и инфраструктурные ресурсы. Так, например, в течение 1999 г. Управлением Федеральной Службы налоговой полиции совместно с государственной налоговой инспекцией Карачаево-Черкесской Республики проводилась проверка законности приобретения собственности, а также экономической деятельности коммерческих структур, принадлежащих общественным объединениям и движениям экстремистской направленности, либо оказывавших им финансовую поддержку. В результате было выявлено 11 предприятий, руководителями которых являлись лица, исповедывавшие радикальный ислам и оказывавшие поддержку экстремистам. Среди них: КФХ «Джан-Киши», КФХ «Агропрод», ТОО «Компания Консалтинг Лимитед», ИЧП «Шешекей», МП «Континент», МП «Джумхуриат», ПТМП «Алания», МП «Бумеранг», АОЗТ «АДС», МП «Джулдуз», КЧ филиал ГНПП «Мегасофт». Владельцем двух предприятий являлся разыскивавшийся за совершение террористических актов в Москве и Волгодонске Ачимез Гочияев. УБЭП МВД КЧР была проведена проверка финансово-хозяйственной практики этих предприятий, деятельность которых была прекращена [7]. Эта же ниша используется бандподпольем и в настоящее время. Как подчеркивает Сущий С.Я., и сегодня «имеется доход от бизнес-структур, непосредственно организованных террористическим подпольем (основная их масса располагается в

«своих республиках», но, очевидно, могут быть налажены производства и в других республиках Северного Кавказа, впрочем, как и в иных регионах России или в странах ближнего и дальнего зарубежья). Сюда же можно отнести прибыль от участия в различных формах криминального бизнеса (от торговли нефтепродуктами до проституции и игорного бизнеса)» [4, с. 34].

Таким образом, вследствие процесса формирования в первой половине 2000-х сетевых террористических структур северокавказского подполья, меняется и система их финансирования, которая все меньше зависит от внешних поступлений, становясь все более автономным.

Как подчеркивает дагестанский ученый Курбанов Х.Т., «…перекрытие каналов финансирования бандгрупп, хотя и важное мероприятие, но не всегда решает проблему существования и разрастания религиозно-политического экстремизма, а тем более террористических группировок, которые подпитываются определенными идейно-политическими и социо-этическими предпосылками, а также имеют автономную самоорганизацию и мобильные отряды, не нуждающиеся в стабильном и щедром финансировании. В условиях существования массовой коррупции установить, пусть и путем шантажа и угроз, контроль над несколькими фирмами и коммерческими предприятиями для террористического подполья не представляется сложным. Со слов Шамиля Басаева, они именно таким образом получают немалую финансовую поддержку от глав администраций ЧР» [8, с. 128].

Главенствующую роль внутреннего фактора финансовой подпитки терроризма выделяет в своем интервью и советник председателя Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ, кандидат исторических наук Пржездомский А.С.: «Нам часто хочется объяснить активность террористических групп «кознями из-за рубежа». Безусловно, отмечается некоторая деятельность зарубежных центров влияния – это и финансовая подпитка, методическая, организационная помощь, инструктажи и тому подобное. Но, надо признать, что все это не является решающим фактором, который обеспечивает высокую активность бандподполья. Так, финансирование антигосударственной деятельности во многом переведено «на места». Главный источник денежных потоков, благодаря которым организуются все новые теракты – тотальный рэкет. Практически весь частный бизнес в ряде южных регионов обложен «террористическим налогом». Предприниматели и чиновники элементарно боятся за свою судьбу, инструменты защиты со стороны власти не срабатывают (случается даже, что коррумпированные представители органов власти находятся «в доле») [9].

Внутренне обусловленный характер нынешнего финансирования северокавказского терроризма подтверждает также отечественный терролог Сущий С.Я. По его мнению, «…поступления идут от легальных и теневых бизнес-структур, в той или иной степени контролируемых («крышуемых») подпольем. С учетом масштаба теневой экономической деятельности в республиках Северного Кавказа, «крышевать» которую легче, чем легальное

производство, доля прибыли подполья на данном направлении может быть значительной» [4, с. 34].

Как следствие, в настоящее время важной особенностью современного северокавказского терроризма выступает то обстоятельство, что оно представляет собой устойчивую и уже достаточно независимую в финансовом плане систему, имеющую многоуровневый бюджет, состоящий из бюджетов «джамаатов», секторов, валайятов и, наконец, собственно «Имарата Кавказ» [10].

Бюджет «Имарата Кавказ» формируется из бюджетов валайятов, бюджеты валайятов – из бюджетов секторов, а они, в свою очередь, черпаются из бюджетов джамаатов. Формирование всех этих бюджетов происходит за счет т.н. «налога на джихад», который боевиками представляется в качестве одного из «столпов ислама» - закята, им исламисты облагают бизнесменов и чиновников в северокавказских республиках, а также соплеменников за их пределами. Суть системы налогообложения основана на вымогательстве, которому руководство «Имарата» придало теологическое обоснование. Сбор средств идет снизу – вверх, начиная с уровня джамаатов сел, и завершая республиками и всей зоной, подконтрольной «Имарату».

Например, в листке найденного на месте боя в Дагестане блокнота боевика под заголовком «Трофеи» описывается распределение полученных вымогательством средств. Во всех случаях пятая часть идет амиру. Еще столько же тем, кто этот «трофей» добыл. Если сумма не превышает 10 тысяч долларов, оставшиеся 60 процентов идут в «общак» группы. С добычи от 10 до 20 тысяч долларов в «общак» отдается 20 процентов, а 40 – амиру сектора. Если же куш составил от 20 до 50 тысяч долларов, эти 40 процентов идут уже амиру валайята [11].

Кассой валайятов, секторов и джамаатов распоряжаются амиры этих структур. Как отмечают эксперты, эта особенность идеально работает на эффективность всей системы, так как в условиях подполья и террористической деятельности финансовая независимость подразделений террористов позволяет быстро разрабатывать и реализовывать теракты и диверсии на всех уровнях. Сбором средств при этом занимаются сами боевики, их родственники, а также сочувствующие и симпатизирующие террористам. Отказ в уплате «налога, нередко завершается казнью «виновного» [10]. Однако же, непосредственными сборщиками «закята», как правило, выступают члены банд-групп. Они же по решению шариатского судьи валайята осуществляют казни тех, кто отказывается от уплаты данного «налога».

Информирование об обязанности каждого мусульманина платить «закят» осуществляется виртуально – через Интернет, путем распространения аудио- и видеодисков, листовок и обращений, а также непосредственно через сборщиков, которые посылают «налогоплательщику» видеообращение амира вилайята о налоге на джихад. В случае первого отказа от уплаты «налога» объекту налогообложения высылается предупреждение, а в случае второго

отказа принимается решение о ликвидации «строптивца» и, нередко, такого бизнесмена убивают [10].

Как правило, в реальных условиях северокавказского региона видеообращения рассылаются на флэш-картах. Одним пакетом к потенциальному «налогоплательщику» приходит и сим-карта для телефона, на которой сообщается, куда принести деньги. Например, некто Садулаев Абдулла, бывший член группировки, занимавшейся вымогательствами и убийствами в Ульяновской области, в своем видеообращении заявляет: «Меня зовут Дауд, и я являюсь шариатским судьей в валайяте Дагестан. Хочу довести до тебя некоторые положения одного из важнейших столпов в исламе – «закята»… Если ты все это сделаешь, как и положено мусульманину, то от нас тебе неприкосновенность и любая помощь. Но если будешь быковать, бегать в ментовку или к кому-то еще… рано или поздно мы тебя уничтожим и возьмем еще больше с твоих наследников» [11].

Финансовым поборам со стороны террористического подполья в республиках подвергаются многие государственные (республиканские, муниципальные) структуры и учреждения, вынужденные откупаться в целях своего сохранения [4, с. 34].

Как известно, «налог на джихад» не является изобретением северокавказских радикалов, он практиковался и практикуется в аналогичных условиях повсеместно в государствах Ближнего, Среднего Востока и в Северной Африке. Например, во время советского военного присутствия в Афганистане аналогичный налог бандитам выплачивали государственные и партийные функционеры, включая министров, членов Ревсовета и Политбюро правящей Народно-демократической партии [12].

На Северный Кавказ аналогичная практика вымогательства под теологическим прикрытием пришла во время первой чеченской кампании, однако в тот период это были, скорее, единичные акты вымогательства, лишенные всякой системы и работающие на интересы конкретных бандитских группировок. Затруднительно четко определить время, когда данная практика была трансформирована в систему сбора и распределения средств, работающую в интересах всей сети. Однако впервые об этой практике, как системе, заговорили лишь в 2010 году, когда на сайте кабардино-балкарских боевиков появились первые угрозы в адрес бизнесменов, отказывавшихся платить «закят».

Как считает Ислам Текушев, именно в Кабардино-Балкарии была создана единая система налогообложения, работающая на весь «кабардино-балкарский валайят». Она была создана первым амиром республиканского валайята Анзором Астемировым, и лишь потом, после его назначением кадием «Имарата Кавказ», отработанная в республике схема была экстраполирована и наложена на все территории, где действует современное подполье. Таким образом, именно шариатский судья, кадий «Имарата Кавказ» Анзор Астемиров (мусульманское имя – Сейфуллах – «меч Аллаха»), дал теологическое обоснование данной практике. Именно он разработал и реализовал в Кабардино-Балкарии систему налогообложения, привел в движения звенья, ко-

торые заложили достаточно прочную систему финансовой подпитки сетевых структур террористов на всем Северном Кавказе. Четкое взаимодействие этих звеньев обеспечило подполью значительный приток финансов, что укрепило подполье и расширило его ряды [10].

Четкое взаимодействие всех звеньев «налогообложения» на Северном Кавказе обеспечило подполью значительный приток финансовых средств, который укрепил подполье и расширил его ряды, обеспечил независимость от ослабших внешних поступлений.

Вместе с тем, «администрация» виртуально существующего «Имарата Кавказ», как и нижестоящие сетевые структуры северокавказских террористов, поражены традиционными социальными «болезнями», свойственными государственным структурам. В частности, коррупцией. Достоянием гласности были скандалы с растратами, фиксировались даже соответствующие постановления шариатского суда по этому поводу [13].

Эксперты отмечают, что под маской сепаратизма и радикального исламизма на Северном Кавказе нередко скрывается обычный криминал, активно практикующий в последние годы рэкет. Действительно, многие «религиозные вымогатели» встали на «тропу джихада» в тюрьме. Там, например, завербовали Мурада Лахиялова – брата футболиста «Анжи»: «…в начале нулевых он плотно сидел на игле, потом его посадили, сидел за угоны автомобилей. Вышел ваххабитом и возглавил группировку «Джамаат шариат». А Омар Рамазанов, амир Шамхала, до джихада был членом самарской ОПГ, наводнившей область фальшивыми деньгами. Оба уже ликвидированы, но зона и дальше выпускает в большую жизнь боевиков» [11].

Таким образом, рассмотренный в данной статье материал свидетельствует о том, что в настоящее время реальная структура финансирования террористического подполья на Северном Кавказе представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Из общих тенденций последних лет можно выделить также сокращение поступлений из внешних источников и усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию внутренних источников, а также постепенную финансовую «оптимизацию» деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений.

Литература

1. Добаев А.И. Хавала: неофициальная система финансирования терроризма / Южно-Российское обозрение ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. № 65. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С. 82-83, 104.

2. Всемирная конференция по организованной транснациональной преступности (Неаполь, Италия, 21-23 ноября 1994 г.); 9 Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, Египет, 28 апреля – 8 мая 1995 г.).

3. Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 203.

4. Сущий С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 33-34.

5. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спецкнига, 2007. С. 40.

6. Латов Ю.В. Экономический анализ современного терроризма. Учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 27, 40.

7. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 322-324.

8. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. С. 128.

9. Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти // [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: http://www.nak.fsb.ru. Рубрика «Публикации».

10. Текушев И. Имарат Кавказ как особая исламская «этнофундаменталистская модель» [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://www.bs-kavkaz.org/2012/03/.

11. Боевой расчет. На Юге России бандформирования работают по бизнес-планам // Известия. 2011. 13 апреля.

12. Мансур А.Х. Панджшер дар дауран-е джахад (Панджшер в годы джихада). Кабул, 1994.

13. Боброва О. Как устроено подполье. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. 2010. № 22. 3 марта.